УДК 316.7

*Р.Р. Тазетдинова**

ОПЫТ ФИЛОСОФСКО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ ТЕКСТА АБСУРДА

Абсурдистский текст как часть общекультурного текста обнаруживает себя в нелепости, иррациональности. Теоретические предпосылки культурологического осмысления связаны с проблематикой анализа абсурдистского языка, с методологией конкретной «методики переходов», которая структурирует внутритекстовую «нелепость» оборотной стороны смысла, оформляя бессмысленность текста в его понимание.

Ключевые слова: *философско-культурологическое осмысление, текст абсурда, методология, эклектика методик, деконструкция, знак, дискурс, актуальный текст.*

Абсурд парадоксален. Употребление этого понятия в лексиконе культурологического знания становится выяснением смысла, интерпретируемого достаточно широко. Культурология как «неклассическая философия культуры» [1. С.528] переопределяет трактовки абсурда через логику поисков смысла в целом ряде гуманитарных наук, в т.ч. и теории литературного текста. Абсурдный и актуальный тексты существуют в проблемном поле художественного произведения как общем культурном Тексте. Необычность первого проявляется в парадоксах второго и воспринимается неким экспериментом воли автора над читателем. Подобная ситуация отражает не столько специфику жанровой модели абсурдистского текста, сколько отсутствие методологического опыта в исследовании этого феномена.

Опуская философское отношение к абсурду, которое довольно неоднозначно в оценках христианских теологов, рационалистов XVIII в. и экзистенциалистов XX в., отметим лишь, что проблема абсурда возникла на грани отграничения истинного суждения от ложного.

---

* © Тазетдинова Р.Р., 2008

Тазетдинова Руфина Ринатовна (Ruffina7@yandex.ru), кафедра философии, культурологи и социологии Казанского государственного университета культуры и искусств, 420059, г. Казань, Оренбургский тракт, 3.

Исследование абсурдистского текста показательно тем, что оно может существовать как культурологическая практика, в логику применения которой включается методологический аспект. Обращение к абсурдному в тексте приводит к абсурду на уровне языка. Язык при этом мыслится не как стилевая или текстовая категория, а как язык культуры, растворенный в открытом тексте. Вопрос о возможности понимания такого языка предполагает ответ на вопрос о возможности «перевода» текста абсурда в актуальный текст.

Таким образом, проблема перевода одного языка культуры на другой замыкается на механизме осуществления такого перевода. Именно поэтому, на наш взгляд, центральной проблемой исследования текста абсурдистского толка является проблема в реинтерпретации скрытого в нем смысла. Необходимые пояснения.

1. Мы исходим из того, что язык художественного текста абсурда есть язык культуры[1].

2. Говоря о методологическом аспекте опыта исследования подобных текстов, считаем возможным выделить пошаговую интерпретацию перевода с одного языка культуры на другой. Речь идет об интерпретации вербального текста, в котором осуществляются:

– внутритекстовый перевод, т.е. трансформирование текста до уровня упорядоченного, в терминологии Ж. Деррида, «различения между означающим и означаемым» [2. С.37];

– интерпретация вербальных знаков одного языка посредством другого;

– и, наконец, реинтерпретация. Перевод в виде интерпретации проинтерпретированного текста посредством лакановской «означающей цепочки смыслов» как «возникающего» некоего «порядка», который для Ж.Лакана и есть «смысл» [3. С.331].

Названная структура переходов формирует ассоциативные поля своеобразной организации значений, в которых «размывается» абсурдистская неопределенность и возникает теоретическая рефлексия от абсурдного к актуальному. Чтобы понять подобную метаморфозу, необходимо обратиться к «дискретному ряду высказываний» [4. С.43] и, в первую очередь, к таким понятиям как «означающее» и «означаемое».[5. С.82-83].

Соглашаясь с утверждением Ю.Кристевой, что «любой текст строится как мозаика цитаций» [4. С.167], подчеркнем, что аналитика культурологического осмысления абсурдистского текста правилосообразна, в первую очередь, методом его исследования. Парадигма того, что «один из характерных признаков современной науки» есть «возрастание в ней методологии» [6. С.13], дополняется методиками конкретно-научного уровня, главная особенность которых заключается в их комплексно-синтетическом характере.

Культурология активно использует аппарат семиотической и герменевтической парадигм. Поэтому конкретное исследование текста абсурда должно начинаться, по нашему мнению, с внутритекстового упорядочивания отношений

означающих с определенными означаемыми. Общей базой понятий «означающего» и «означаемого» при этом могут выступать самые разные формальные и метафорические средства языка. Когезия текста, например, в той же классической пьесе абсурда С.Беккета «В ожидании Годо» свидетельствует, что ее содержание пусть обломками, пусть разорванными частями смысла, но, тем не менее, замкнуто в сфере диалогов персонажей.

Следуя логике постструктурализма, исследователь ищет «след, которым отмечено отношение к другому» в поле «сущего, определенного метафизикой», «на основе скрытого движения следа…» [8. С.168]. Однако деконструкции логики, которая бы, по Ж. Деррида, должна была подорвать «метафизику логоса, присутствия и сознания» [8. С.203], не происходит. Не происходит по причине того, что отношение к «другому» замкнуто рамками диалога, который мыслится законченным микротекстом, состоящим из бинарных оппозиций как минимум двух монологов. С одной стороны, деконструируется, разрывается симметрия диалога, с другой – выравниваются оппозиции монологов. Другими словами, парадокс деконструкции внутритекстовой логики абсурдистского диалога состоит в том, что она приводит к выявлению новых знаковых значений, указывающих на иное означаемое. В зависимости от того, что выявляет означаемый знак в процедуре означивания, можно говорить о новых знаковых отношениях самостоятельных монологов. Рассмотрим фрагмент текста абсурда[2].

По Ж. Деррида, речи Эстрагона и Владимира – субстрат возможных интерпретаций аналитика, который делает диалог в целом континуальным. Приведенный фрагмент предстает отдельным контекстом речи героев в виде дискретных рядов кодовых знаков единообразных по конструкции[3].

Смысловой центр текста не исчезает, а лишь смещается в сторону монологов. «Я» и «Другой» под разными масками отражают общее свойство языка абсурда – «расщепление».

Этим примером заканчивается процедура трансформирования текста до уровня упорядоченного «различения» между означающим и означаемым. Появились текстовые монологи как культурологические знаки со своими объектами характеризации, к которым приписаны свои предикат-характеристики[4].

Видно четкое образование структуры, которая моделируется, т.е. существует как система устойчивых отношений, инвариантных при любых преобразованиях.

Таким образом, первый шаг в анализе беккетовского абсурдистского текста совместил в себе постструктуралистскую «обязательность» идеи следа и принцип структуралистского бинаризма в интерпретации, согласно которому любые структуры сводимы к дуальной оппозиции. Подобное выделение и описание внутритекстовых переводов осуществлюется по всему художественному полю.

Следующий шаг исследования связан с изменением в культурологической базе оснований. Классический абсурдистский текст мыслится комплексом взаимоотношений актуального и абсурдного «языка». Наличие «неслышимого смысла» [7. С.8] не означает его отсутствия, что дает право предполагать возможность выражения значимых смыслов, выявляемых с помощью новых методик.

Эти методики связаны с анализом художественного текста в философско-культурологическом аспекте. Особенность их заключается не в выявлении интертекстуальных связей за пределами текста, а в выявлении, как бы парадоксально это не звучало, внутритекстовой «интертекстуальности» его компонентов.

Бессмысленный, на первый взгляд, язык, выражаемый языковыми средствами «Другого», вплотную приближается к возможности «понимания» текста абсурда. Очертим кратко культурологический вектор подобного приближения. С этой целью вернемся к примеру с монологом беккетовского Эстрагона[5].

Как видим, смысл означенной нами цепочки знаков базируется на уяснении сути того, что она одновременно является и принадлежностью текста С. Беккета и интерпретации аналитика. Монолог мыслится единым мыслезнаком, который своей бинарностью конструирует логику «понимания» диалогического текста в целом.

Известно, что структурализм рассматривает культуру как совокупность символических систем и текстов, идентифицируя структуру семиотической информации в символах, образах, интонациях и т.п. Знак при этом подается как артефакт, выступающий аналогом другого объекта. В этом смысле процедура означивания в философско-культурологическом ключе начинается с формирования проекции некоего символа, который и будет образом, результатом от взаимоположения контекста монологов относительно друг друга[6].

«Статус слова, – считает Ю. Кристева, – как минимальной единице текста, оказывается не только медиатором, связывающим структурную модель с ее культурным (историческим) окружением, но и регулятором (курсив автора. – *Р.Т.*) управляющим процессом перехода диахронии в синхронию (литературную структуру» [4. С.167].

Такая конкретизация перехода «без**О**бразного» в образ (символ) «опредмечивает» методологический аспект перехода разными методиками второго шага в исследовании.

Так, после процедуры означивания упоминаемый монолог Эстрагона принимает вид означающей цепочки, в которой, с одной стороны, проявляется идентичность персонажа с обозначаемым субъектом, с другой – означающая цепочка демонстрирует свою принадлежность к методологическому принципу деконструкции Жака Деррида. Признаки смысла, «спящие», по его выражению, в прошлых дискурсивных практиках, независимо от авторского намерения, читательского понимания и семантических структур текста мигрируют,

«скользят» по поверхности текста. Фрагмент монолога Эстрагона начинает оппонировать к монологу Владимира внутри общего диалога. По Ж. Делезу, он начинает наполняться «атрибутикой» [8. С.42], то есть теми самыми признаками смысла, которые и есть «означаемое», есть «след», по Ж. Деррида [9. С.203].

Эти признаки как принадлежность означаемого присутствуют в тексте абсурда в форме своеобразного клише: «означающее – означаемое». Клише существует неким контекстом, впитавшим в себя комбинаторику разных знаков на базе общего кода из правил, устанавливаемых каждый раз самим аналитиком. Интерпретация цепочки означающих в беккетовских монологах приводит к обозначению персонажей в некие функции, поведенческие модели. Процесс означивания, следуя логическому принципу амплификации, требует поиска в параллельных фрагментах текста схожих лексических единиц, выступающих в роли означающих. Установлением их референции заканчивается второй шаг анализа[7].

Культурологическое осмысление следующего этапа исследования напрямую связано с реинтерпретацией интерпретированного текста, с герменевтикой абсурдного. С позиции постмодернистской философии поиск означаемого или означающего является собственно означиванием. Последнее исключает со – бытие, а сам анализ сводится к одной из практик, «множественный ряд которых не имеет ни начала, ни конца» [4. С.37]. В этом случае анализ беккетовского абсурдистского текста в отличие от первоначальных «шагов» рассматривается не в рамках структурализма и постструктурализма, а в рамках психоаналитики Ж.Лакана. Реинтерпретация (переозначивание) определяет субъекта с помощью «плавающего означающего». Троектория его движения по схеме «означающей цепочки» достигает апогея. Фрейдовское понятие о бессознательном, пересмотренное Леви-Строссом, трансформировано Ж. Лаканом с позиций языкового кода, в котором «Другой» уже не внешняя «реальность», а «бессознательное» с «маленькой буквы (a = autre), которое и есть мое собственное Я» [3. С.338].

Методологический аспект культурологического осмысления текста абсурда сориентировал анализ на содержание монологов всех участников не с точки зрения семантики высказываний, а реинтерпретации основных характеристик означающего. Парадигматический сдвиг от теорий, методология которых сфокусирована на субстанции, к методологии, основанной на структурных отношениях, привела к возможности «понимания» «бессмысленного» текста.

Таким образом, культурологическое осмысление абсурдистского текста редуцирует эклектику различных методик исследования. Обнаружение смысла в «бессмысленном» тексте не основано на чьем-то авторитете или откровении. Интерпретации аналитика реанимируют скрытый смысл абсурдного «столкновением между иррациональностью и исступленным желанием ясности» [10. С.236].

На примере культурологического анализа текста абсурда, в рамках научных направлений структурализма, постструктурализма и глубинной психологии видно, как каждый из подходов частично утрачивает свой суверенитет, приобретая новое синтетическое качество, качество взаимообогащения.

Резюмируя, подчеркнем, что культурологическое осмысление абсурдного, в конечном итоге, сопряжено с такими объектами понимания текста, как след «другого», как отражение ситуаций, как диалоги персонажей художественного текста, как дискурс и т.д. Способ описания понимания может быть эксплицирован в виде аналитической процедуры реинтерпретации скрытых смыслов в абсурдистском тексте.

Примечания

[1] См об этом подробнее: Лотман, Ю.М. Семиосфера / Ю.М. Лотман. – СПб., 2004. – С. 389.

[2] «Эстрагон…(Пауза). Погляди на это облачко./ Владимир (поднимает глаза). Где?/ Эстрагон. Там в зените/ Владимир. Ну и что? (Пауза) Что в нем такого особенного/ .Молчание./ Эстрагон. Перейдем теперь к чему-нибудь другому, ладно?/ Владимир.Я как раз собирался тебе это предложить / Эстрагон. Вот только к чему? / Владимир. А, вот в этом и все дело! /Молчание/ Эстрагон. Может для начала подняться? /Владимир. Давай попробуем./Поднимаются/» [11. С.109].

[3] «Эстрагон: (Пауза) Погляди на это облачко. Там в зените. /Молчание/. Перейдем теперь к чему-нибудь другому, ладно? Вот только к чему? /Молчание/ Может быть для начала подняться? [11. С.109] «Владимир: (Поднимает глаза). Где? Ну и что? (Пауза). Что в нем такого особенного. (Молчание). Я как раз собирался тебе это предложить. А, вот в этом и все дело! Давай попробуем. / Поднимается [11. С.109].

[4] Тот же монолог Эстрагона может быть сведен в рамках единого фрагмента к выражению: «облачко в зените – чего-нибудь другого – может быть подняться» [11. С.109].

[5] См. сноску 4.

[6] См. сноску3.

[7] Означающая цепочка монолога (внутреннего диалога) каждого из персонажей друг в друге, как «Я-субъект» в системе «Я – Другой» – самоотождествляется. Следуя Ж.Делезу, «Манифестаторами» здесь выступают герои, которые являются источниками «нелепости» или «бессмысленности», но никогда не отсутствия смысла.

Библиографический список

1. Горных, А.А. Культурология / А.А. Горных, Г.Я. Миненков // Всемирная энциклопедия философии. – М.: АСТ.; Минск.: Харвест, – 2001. – С. 527-528.
2. Деррида, Ж. Позиции / Ж. Деррида. – Киев, 1996. – 192 с.

3. Лакан, Ж. Семинары / Ж. Лакан «Я» в теории Фрейда и технике психоанализа / пер.с франц. А.Черноглазова. – М.: Логос, 1999. – Кн.2. – 520 с.
4. Кристева, Ю. Избранные труды: Разрушение поэтики / Ю. Кристева; пер.с фр. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. – 656 с.
5. Ельмслев, Л. Пролегомены к теории языка / Л. Ельмслев; пер. с англ.; сост. В.Д. Мазо. – М.: КомКнига, 2006, – 248 с.
6. Лисович, И.И. Методология культуры: учебное пособие / И.И. Лисович – Казань, КГУКИ, 2008. – 116 с.
7. Культурология. XX в. Энциклопедия. Т.1. – СПб, 1998. – 447 с.
8. Делез, Ж. Логика смысла / Ж. Делез; пер.с франц. – Екатеринбург: «Деловая книга», 1998. – 480 с.
9. Деррида, Ж. О грамматологии / Ж. Деррида; пер.с франц. и вступ.ст. Н. Автономовой. – М.: Ad Marginem, 2000. – 511 с.
10. Камю, А. Миф о Сизифе. Эссе об абсурде / А. Камю // Сумерки богов / сост. и общ. ред. А.А.Яковлева. – М.: Политиздат, 1989. – С. 222-318.
11. Беккет, С. В ожидании Годо / С. Беккет // В ожидании Годо / сост. С. Исаев.; пер. с франц. С. Исаева, А. Наумова. – М.: ГИТИС, 1998. – С. 27-120.

R.R. Tazetdinova

PHILOSOPHICAL-CULTUROLOGICAL EXPERIENCE OF THE ABSURDITY TEXT COMPREHENSION

Absurd text as a the part of the common cultural text finds out itself in absurd, irrationality. Theoretical preconditions of cultural comprehension are connected with Absurd language analysis problematic with methodology concrete “techniques of transitions” which structurizes intratext “absurd” of a back sense, making out senselessness of the text in its understanding.

Key words: *philosophical-cultural judgement, the text of absurdity, methodology, eclecticism of techniques, a deconstruction, a sign, a discourse, the actual text.*

Статья принята в печать в окончательном варианте 16.06.08 г.